

Сюзен Элизабет
Филлипс

Только
представьте...

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф53

Серия «Мини-Очарование: Лучшее»

Susan Elizabeth Phillips

JUST IMAGINE

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Филлипс, Сьюзен Элизабет.

Ф53 Только представьте... : [роман] / Сьюзен Элизабет Филлипс ; [пер. с англ. Т.А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-109102-6

Кто бы мог поверить, что хрупкий юноша-подросток, появившийся в Нью-Йорке, чтобы встретиться с отважным северянином Бэроном Кейном, в действительности... девушка? Яростная мстительница-южанка Кит Уэстон, мечтающая Кейна убить.

Кто бы мог поверить в невероятное? Возможно, лишь мужчина, впервые в жизни охваченный подлинной страстью — и безошибочным чутьем влюбленного угадавший в ожесточенной, безжалостной Кит свою судьбу...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Susan Elizabeth Phillips, 1984, 2001

© Перевод. Т.А. Перцева, 2009

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-109102-6

*Моему мужу Биллу
с любовью и благодарностью*

Часть первая

ПОМОЩНИК КОНЮХА

Когда долг тихо шепчет:
«Ты обязан», Юность отвечает:
«Я могу».

Ралф Уолдо Эмерсон

Глава 1

Старый уличный торговец сразу же заметил этого мальчика, разительно выделявшегося из толпы хорошо одетых биржевых маклеров и банкиров, заполонивших улицы Нижнего Манхэттена. Коротко остриженные черные волосы, которые, будь они чистыми, скорее всего лежали бы непокорными завитками, жирными вихрами выбивались из-под полей потрепанной фетровой шляпы. Заплатанная рубаша с засаленным воротом, расстегнутым, вероятно, из-за июльской жары, висела мешком на узких худых плечах. Обрывок кожаного ремешка подхватывал грязные, чересчур широкие штаны. Парнишка едва передвигал ноги, обутые в грубые черные башмаки, которые пришлись бы впору великану. Под мышкой он держал довольно большой узел.

Торговец облокотился на тележку с подносами, полными соблазнительных пирожных и булочек, и от нечего делать стал следить за подростком, прокладывавшим себе путь по забитому людьми тротуару, как за преступником, готовым вот-вот скрыться. Старик часто видел то, что ускользало от внимания окружающих, и что-то в этом бродяжке при-

влекло его внимание. Эй, ты, ragazzo*, у меня для тебя пирожное. Воздушное, как поцелуй ангела. Vieni qui!**

Мальчишка вскинул голову и голодными глазами уставился на подносы с лакомствами, которые жена торговца собственноручно выпекала каждый день. Разносчик почти слышал, как бедняга мысленно пересчитывает медяки, запрятанные в узле, который он судорожно прижимал к себе.

— Иди же, ragazzo, я не возьму с тебя ни цента. Это подарок, — окликнул он, протягивая воздушное яблочное пирожное. — Подарок много повидавшего человека новому обитателю самого главного в мире города.

Вызывающе сунув большой палец за пояс, паренек вразвалочку приблизился к тележке.

— И с чего ты взял, что я новый обитатель?

Акцент, столь же отчетливый и резкий, как запах растущего в Каролине жасмина, разливающийся по хлопковым полям, невозможно было ни с чем спутать, и старик поспешил скрыть улыбку.

— Наверное, это всего лишь мой глупый бред?

Мальчик пожал плечами и ковырнул носком ботинка валяющуюся на земле картонку.

— Я ничего такого не говорил. Может, так, а может, вовсе наоборот, — объявил он и ткнул грязным пальцем в пирожное: — Сколько просишь вот за это?

— Сказано же, подарок.

Парень, подумав немного, коротко кивнул и протянул руку.

— Спасибочки вам.

Едва он успел взять пирожное, как к тележке подошли два бизнесмена в сюртуках и высоких касторовых шляпах. Пренебрежительный взгляд мальчика сколь-

* Оборванец (ит.) . — Здесь и далее примеч. пер.

** Иди сюда! (ит.)

знул по толстым золотым цепочкам от часов, свернутым зонтикам и начищенным черным туфлям.

— Пропади пропадом все дураки янки, — пробормотал он.

Мужчины, занятые беседой, не расслышали, но едва успели отойти, как старик мрачно нахмурился:

— Думаю, мой город — неподходящее место для тебя, верно? Всего три месяца, как война закончилась. Наш президент мертв, и страсти все еще накалены.

Мальчик как ни в чем не бывало уселся на обочину и принялся за пирожное.

— Не очень-то я уважаю вашего мистера Линкольна. По-моему, он просто инфантилен.

— Инфантилен?! *Madre di Dio*?*

— Глупый, как дитя малое.

— А откуда такому оборванцу, как ты, знать ученые словечки?

Парнишка ладонью прикрыл глаза от палящего солнца и прищурился.

— Чтение книг — мое призвание! — напыщенно объявил он. — Я встретил это выражение у мистера Ралфа Уолдо Эмерсона. Я большой почитатель мистера Эмерсона. — Он начал осторожно обкусывать края пирожного. — Правда, когда я увлекся его эссе, то еще не знал, что он янки. Поверишь, просто на стену полез, когда обнаружил, откуда он родом. Но к тому времени было слишком поздно. Я уже, можно сказать, стал его учеником.

— Этот мистер Эмерсон, что такое особенное он изрек?

Кусочек яблока прилип к грязному пальцу мальчишки, и тот слизнул его языком.

* Здесь: И что означает это мудреное слово? (*um.*)

— Он толкует насчет характера и уверенности в своих силах. Полагаю, уверенность в своих силах — это и есть самое важное качество человека, разве не правда?

— А по мне, так вера в Господа нашего. Важнее ничего нет.

— С некоторых пор я не слишком держусь Господа. Раньше — пожалуй, но за последние несколько лет уж больно много всего навиделся. Как янки резали наш скот и жгли загоны. Как пристрелили моего пса Фергиса. Как миссис Льюис Годфри Форсайт потеряла в один день сына и мужа. Мои глаза состарились. Одряхлали.

Торговец попристальнее пригляделся к подростку. Маленькое личико сердечком, чуть курносый нос. Как обидно, что возмужание огрубит эти тонкие черты.

— Сколько тебе лет, ragazzo? Одиннадцать? Двенадцать?

Глаза редкостного темно-фиолетового цвета насто-роженно сузились.

— А что? Полагаю, я достаточно взрослый.

— Где же твои родители?

— Мать умерла, когда я родился. Папаша скончался в Шило три года назад.

— А ты, ragazzo? Почему явился сюда, в мой город Нью-Йорк?

Парнишка затолкал в рот остатки пирожного, сунул под мышку узел и встал.

— Хочу уберечь кое-что свое. Без меня это и защитить некому. Еще раз спасибо за пирожное. Очень рад нашему знакомству. Чистое удовольствие — встретить такого человека в незнакомом месте. — Он уже отошел было, но, поколебавшись, обернулся. — И кстати, чтобы вы знали: я не мальчик. И зовут меня Кит.

Пробираясь в направлении, указанном дамой на пароме, к Вашингтон-сквер, откуда начинались жилые кварталы города, Кит решила, что не сто-

ило называть старику настоящее имя. Человек, решившийся на убийство, должен оставаться незаметным. Впрочем, какое это убийство? Скорее акт правосудия, хотя, если ее поймают, вряд ли судьи-янки станут придерживать этой точки зрения. Лучше бы им не знать, что Катарина Луиза Уэстон с плантации «Райзен глори»*, расположенной вблизи Радерфорда, Южная Каролина, приблизилась к этому проклятому городу.

Кит крепче прижала к себе узел, в котором были спрятаны шестизарядный самовзводный армейский револьвер, когда-то принадлежавший отцу, обратный билет до Чарлстона, «Эссе» и «Вера в себя» Эмерсона, смена одежды и деньги, на которые ей придется пока жить. Хорошо бы покончить с делом сегодня и поскорее вернуться домой, но придется сначала последить за ублюдком-янки, вернее, за его передвижениями. Пристрелить его — полдела, главное — потом не попасться.

До сих пор самым большим городом, куда ей доводилось ездить, был Чарлстон, но Нью-Йорк — совсем другое дело! Шагая по шумным, оживленным улицам, Кит была вынуждена признать, что и тут есть свои немалые преимущества, не говоря уже о захватывающих видах. Прекрасные церкви, роскошные отели, шикарные магазины с мраморными фасадами и массивными дверями... Но горечь мешала восхищаться чудесами большого города. Похоже, Нью-Йорка совсем не коснулась война, уничтожившая и разорившая Юг. Если Господь действительно существует, Кит свято надеялась, что он отправит душу Уильяма Т. Шермана** гореть в аду.

* Здесь: возвращенная слава; намек на воскрешение Христа.

** Генерал, командовавший войсками северян в 1861—1865 гг. Войско под его командованием, соединившись с армией генерала Гранта, вынудило южан к капитуляции.

Засмотревшись на шарманщика, девушка налетела на спешившего домой пешехода.

— Эй, мальчишка! — рассердился тот. — Смотри под ноги!

— Сам смотри! — огрызнулась она. — И я тебе не мальчишка!

Но мужчина уже исчез за углом.

Да что они, ослепли все?! С того дня, как она покинула Чарлстон, все принимают ее за мальчика! Ей это не нравилось, но, впрочем, может, все к лучшему? Шатающийся в одиночку мальчишка не так подозрителен, как девушка. Правда, обитателям Радерфорда и в голову не приходило считать ее девчонкой. Они знали ее едва не с пеленок и помнили, что она не выносит девчоночьих ужимок, всяких бантиков, рюшечек и оборочек.

Ах, если бы только все не менялось с такой ужасающей быстротой! Южная Каролина. Радерфорд. «Райзен глори». Даже она сама. Старик принял ее за ребенка, на самом же деле она совсем взрослая. В восемнадцать лет девушка уже может считаться настоящей женщиной. И хотя тело это подтверждало, ум отказывался смириться. То, что она родилась девочкой, всегда казалось ей чем-то невероятным.

Заметив полисмена, она поспешно спряталась за спинами рабочих, тащивших ящики с инструментом. Несмотря на съеденное пирожное, в животе урчало от голода. Ноги заплетались от усталости. Если бы только она снова оказалась в «Райзен глори», на любимом персиковом дереве, или у озера, с удочкой в руках... или хотя бы в кухне, где, как всегда, хлопочет Софрония!

Девушка сунула руку в карман и стиснула клочок бумаги, словно желая увериться, что он все еще на месте, хотя написанный на нем адрес навеки отпечатался в мозгу. Нужно еще поискать, где бы остановиться на ночлег, но прежде она хотела взглянуть на дом.

Может, и увидит человека, угрожавшего существованию всего, что она любила. Ну а потом Кит сумеет сделать то, что не удалось ни одному солдату во всей армии конфедератов. Выхватит оружие и отправит на тот свет майора Бэрона Натаниела Кейна.

Бэрона Кейна можно было назвать роковым красавцем: рыжевато-каштановые волосы, точеный нос, серебристо-серые глаза. У него был бесшабашный вид человека, постоянно ходившего по краю пропасти. При этом необходимо заметить, что ему приелось все на свете. Вернее, до смерти надоело. Пусть Дора Ван Несс прелестна и не отличается строгостью нравов, все же Кейн откровенно жалел, что пригласил даму на ужин. Сегодня он не в настроении слушать ее трескотню. И хотя знал, что она готова к любовной схватке, намеренно засиделся за бренди. В конце концов, он не какой-то дрессированный домашний песик! И всегда брал женщин на своих условиях! Кроме того, такое бренди следует ценить по достоинству.

У бывшего владельца дома был превосходный винный погреб, содержимое которого вместе с самим особняком перешло к Кейну благодаря его железным нервам и вовремя выпавшей паре королей.

Бэрон вынул тонкую сигару из деревянного хьюмидора*, оставленного экономкой на столе, отрезал кончик и зажег.

Через несколько часов его ждут в одном из лучших клубов Нью-Йорка, где наверняка затеется игра в покер по высоким ставкам. Но до этого он успеет вдоволь насладиться прелестями Доры.

Откидываясь на спинку стула, он заметил взгляд женщины, устремленный на шрам, уродующий тыль-

* Специальная коробка для сигар с увлажнителем.

ную сторону его правой ладони, — один из многих, полученных во время войны и неизменно возбуждавших любовницу.

— Бьюсь об заклад, Бэрон, ты не расслышал ни единого слова из того, что я произнесла за весь вечер, — кокетливо заметила Дора, проводя языком по губам.

Кейн знал, что женщины считают его неотразимым, но отнюдь не гордился ни своей внешностью, ни столь лестным мнением, считая, что все это вовсе не его заслуга. Всего лишь наследие слабовольного отца и матери, раздвигавшей ноги перед каждым, кто удостоивался ее мимолетного внимания.

Ему было четырнадцать, когда он впервые заметил взоры, бросаемые на него женщинами. Сначала он отвечал на каждый, но со временем ему приелись подобные утехы, да и женщин было слишком много.

— Разумеется, слышал, — лениво обронил он. — Ты привела сотню причин, по которым мне следовало бы работать на твоего отца.

— Он человек влиятельный.

— У меня уже есть занятие.

— О брось, Бэрон, какое же это занятие? Так, времяпрепровождение.

Бэрон ответил бесстрастным взглядом.

— Ошибаешься. Игра — мой способ зарабатывать на жизнь и безбедно существовать.

— Но...

— Выбирай: или немедленно отправляешься наверх, или я провожаю тебя домой. Не хотелось бы слишком тебя задерживать.

Дора немедленно вскочила, и уже через несколько минут они резвились в постели. Сжимая в ладонях полные, налитые груди, Бэрон лениво размышлял,

12 почему не чувствует особого удовольствия.

— Сделай мне больно, — прошептала она. — Чутьточку. Самую малость.

Он устал причинять и терпеть боль, устал от войны, крови и ужасов, и хотя, казалось, все закончилось, раны так и не зажили. Однако уголки его губ дернулись в циничной ухмылке.

— Все, что прикажет леди.

Позже, снова оставшись один, уже одетый для вечера, Бэрон бродил по комнатам дома, выигранного с помощью пары королей. Что-то в обстановке напоминало ему о жилище, где он родился и рос.

Мальчику было всего десять, когда мать сбежала, оставив его с обремененным долгами отцом в унылом филаделфийском особняке, постепенно разрушавшемся от небрежения и отсутствия денег. Три года спустя отец умер, и дамы — члены благотворительного комитета пришли, чтобы забрать Бэрона в сиротский приют. В ту же ночь он сбежал, не имея ясной цели, не зная куда, придерживаясь исключительно одного направления. Западного.

Следующие десять лет он бродяжил, перебираясь из одного города в другой, и перепробовал десятки занятий: перегонял скот, клал железнодорожные шпалы и рельсы, искал золото, пока не обнаружил, что может найти больше драгоценного металла за карточным столом, чем в ручьях и речках. В то время Запад был новым, неосвоенным пространством, нуждавшимся в образованных людях, но Бэрон не смел никому признаться, что умеет читать. Женщины влюблялись в красивого юношу, чьи словно высеченные резцом скульптора черты и холодные серые глаза обещали тысячи тайн и несказанных наслаждений, но ни одной не удалось растопить лед, казалось навеки сковавший его душу. Те человеческие эмоции, которые укореняются с самых ранних лет и расцветают в ребенке, познавшем любовь,

начисто в нем отсутствовали. Сам Кейн не знал, убиты ли они навсегда или дожидаются, пока их разбудят. Не знал и знать не хотел.

Едва разразилась война, он впервые за двенадцать лет пересек Миссисипи в обратном направлении и записался в армию, но не для того, чтобы помочь сохранить Союз, — просто превыше всего ценил свободу и ненавидел рабство в любой форме. Позже он присоединился к обстрелянным ветеранам армии Гранта и заслужил одобрение генерала при штурме форта Генри. К тому времени, когда они добрались до Шило, он уже числился при штабе генерала. Ему удалось дважды избежать смерти: сначала в битве при Виксберге и четыре месяца спустя под Чаттанугой, при атаке на Мишинери-Ридж, в сражении, открывшем войскам Шермана путь к морю.

Газеты пестрели заметками о Бэроне Кейне, провозглашавшими его «героем Мишинери-Ридж» и превозносившими до небес за мужество и патриотизм. После ряда успешных рейдов Кейна через линию фронта репортеры на все лады комментировали фразу генерала Гранта: «Я предпочел бы скорее потерять правую руку, чем Бэрона Кейна».

Но ни газетные писаки, ни сам генерал не подозревали, что Кейн не мог обходиться без риска, как пьяница — без алкоголя. Опасность, как и секс, словно вливалась в его жилы свежую кровь, делала его живым и деятельным. Он привык ставить на карту все. Абсолютно все.

Но постепенно поблекло и это. Карты, эксклюзивные клубы, женщины — ничто уже не имело для него значения. Что-то ушло, какой-то стержень сломался, и Бэрон сам не мог понять, в чем дело.

Кит дернулась, как от толчка, и подняла голову. Разбудил ее незнакомый мужской голос. Девушка не сразу пришла в себя и, машинально вытащив

из-за ворота соломинку, вообразила, будто каким-то чудом очутилась дома, в коровнике «Райзен глори», но тут же вспомнила, что постройка сгорела.

— Почему бы тебе не уgomониться, Магнус? День выдался нелегким, — увещевал незнакомец. Доносившийся из-за перегородки стойла голос показался ей довольно резким: ни тягучих гласных, ни пришепетывающих согласных ее родины.

Девушка моргнула, пытаясь привыкнуть к темноте. И тут она вдруг сообразила, где находится. Иисусе сладчайший! Да ведь она уснула в конюшне Бэрона Кейна!

Кит оперлась на локоть, досадуя, что не может ничего разглядеть. Та женщина на пароме неправильно объяснила, куда идти, и она сумела отыскать дом только в сумерках. Сначала пряталась под деревьями, но, не обнаружив опасности, обошла дом с задней стороны, перелезла через забор и забралась в открытое окно конюшни, чтобы самолично все проверить. К несчастью, знакомые запахи лошадей и свежей соломы ее сморили, и Кит уснула, забившись в дальний угол.

— Хотите взять утром Саратогу?

А вот это уже другой голос — знакомый мелодичный акцент напоминает речь бывших рабов с южных плантаций.

— Может быть. Что-то случилось?

— Не нравится мне ее нога. Лучше бы дать кобылке передохнуть.

— Будь по-твоему. Я сам завтра посмотрю. Доброй ночи, Магнус.

— И вам того же, майор.

Майор?!

Сердце Кит заколотилось. Значит, тот, кому принадлежит низкий голос с резковатыми нотками, и есть Бэрон Кейн?